

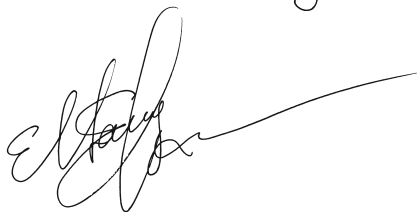
Лена ЭЛТАНГ

о чём пировать

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
Санкт-Петербург • ММVII

оглиб: обняжеега мостик
козачка идег от ворот
ведёт киммерийского гостя
и крестит невидимый рот
и в сумерках царской работы
молает тресциные соты
и свирет еще кепосат
и вот они селу молчат
далёко за озером гром
трешит дубарфорским ведром
горят пегербургские голки
зелёною бронзой осколков
рубином в тёрной воде
нигде серубина ни где
не скрывает на выцветшем свеге
недаром мы стили цареву
и вот уже подает вечер
как есреб в сухую траву

Лена ЭЛТАНГ

о чём пировать

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММVII

Э 51
ББК 84. Р7

Облик стихотворений
и пунктуация — авторские

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 978-5-89803-164-0

© Лена Элтанг, 2007

будто крошки подсохшие, острые,
заселяют атласные простыни
после ночи с постылым, а дни
торопливыми белыми сестрами
от постели отходят — одни
подаются на лиговку, фартуки
и чепцы побросав на ходу,
а другие заводят мне бартока
и катают в больничном саду,
то кофейничек медный, сияющий
подадут, то пилюли, а я ещё,
не поняв, что сижу под замком,
задираю их, хомо играющий,
хомо плачущий здесь ни о ком

check me out, отель калифорния!
пансион на метро одеон,
я-то съеду, я девка упорная,
не с такого съезжали, а он
все грустит и хрустит круассанами,
теми самыми — да, теми самыми,
что на голые ланчи в кровать
подавали во дни несказанные,
когда было о чем пировать

так тихо здесь, что слышен крик зимы,
в другие дни толкуемый превратно:
не то салют в предместье троекратный,
не то состав, явив себя из тьмы,
постукивает на мосту по стыкам,
не то сосед на лестницу тайком
с травой и трубкой вышел и, застукан,
скребет замок и плачет босиком,

не то часов, под платьем, на полу
поскрипыванье, пахтающих время,
не то сосед огнивом бьет о кремень,
замешкавшись, в распатанную мглу
эребову спуститься не решаясь,
шуршат в стене мышинные войска,
сама с собой паркетная доска
беседует, о прошлом сокрушаясь

ты слышишь шеба? этакие штуки
откалывает небо — ай да мы,
какое вырыл логово внаймы
четвероногий и четверорукий
горячий зверь, познавший крик зимы

просквозит до ребер ноябрь. тильзит:
все чернее неман, слабей течение.
самолетной тенью над ним скользит
предстоянье снегу — разоблаченье
стеклодувных, чистых, тугих небес,
отразивших пустошь, суглинок, топи,
и — покуда east не достигнет west —
тяжелейших две из моих утопий
подмерзая бьют каблуком в каблук,
при пальто и шляпах, на лётном поле.
та, что слева, пахнет как старый друг,
та, что справа — шариками от моли.
ты все так же сходишь от них с ума
и бежишь по трапу — алеет иней,
и на дне кармана хрустит зима
карамелью местных авиалиний

Б. К.

где нынче сидор, где коза, и кто ее дерет?
медовый спас катит в глаза и ясно наперед:
послать за сидором гонца и пить, и пить втроем,
он сам корица и пыльца, мы сбитень с ним собьем.

крошится мерзлым молоком озерный край небес,
и град идет, идет пешком, и сидор через лес
несется вскачь в дождевике коварен, как шайтан:
каштан в кармане и в руке, и на крыльце каштан.

природа ходит ходуном, съедает поедом
и стрекозиный слабый лом и муравьиный дом,
гудит в ненастной голове имбирный сладкий спирт,

шипастый шар плывет в траве. в нем марсианин спит

УЭЛЬС

такой румяный чистый плоский — как ты решился на роман
где ила быстрая полоска отодвигает океан
где белый глен лишившись лоска ложится в черное и вот
видны залатанные доски и бедный крашенный живот

сдавайся глен горючей грязи плавучий якорь волоча
как ты в болезни и боязни войну сподобился начать
покуда вязок безобразен ирландский берег ждет врага
эрато кланчит бога ради эвтерпа на ухо туга

покуда мидии поверив в перипетию и эксод
теряя аспидные перья сдаются сборщику а тот
на мелях медлить не намерен с мешком в перчатках
до локтя
он напевает мизерере и беспощаден как дитя

СЕ РЕБРО

серебро унести ли с собою? трать его, трать.
все равно, рай, не рай, пройдешь за медный обол,
но тебя не просили учить меня умирать,
я и так умираю с тех пор, как умер глагол.

не горчит чечевица в завидном твоём дому,
оттого, что молчит, не перечит сургучный рот,
но не пьется, не спится — видано ль одному,
по плечу ли тебе от ворот моих поворот.

тридцать сиклей стократно, не холоден, не горяч,
перечти и, покуда горшечник слюнит счета,
получаешь ребро обратно и все — attach.
ни черта ты не понял. не понял ты ни черта

CHINOTTO

пахнет мокрою рогожей на неапольской барже
хлябь тирренская похоже успокоилась уже
а с утра болталась пьяно билась в низкие борта
еле-еле capitano доносил вино до рта

возвращаешься в сорренто как положено к зиме
укрываешься брезентом на застуженной корме
где сияет померанец не достигнувший темниц
закатился в мокрый сланец цвета боцманских зениц

итальянские глаголы вспоминая абы как
крутишь ручки радиолы ловишь волны в облаках
в позитано sole sole в риме верди в местре бах
проступает грубой солью mare nostrum на губах

возвращаешься счастливый вероятно навсегда
зыбь гусиная в заливе — зябнет зимняя вода
всеми футами под килем и рябит еще сильнее
будто рыбы все что были приложили губы к ней

и стоят себе у кромки опираясь на хвосты
и молчат под ними громко сорок метров пустоты

ХИРУРГУ Б

он моет, моет, намывает,
и после держит наотлет
ладони: милая, бывает,
но соломон сказал — пройдет.
под жарким глазом многоваттным
затылком розово горит
и — сердцевину снежной ватой
мне заполняя — говорит:
мы знаем слов латинских тыщу,
и знаем прайс, и знаем риск,
мы в алой мякоти отыщем
смертельных семечек разбрызг.
он божий страх помянет все,
и бога мать — и потом
приступит он, пока рисует
мне морфий девочку босую
на лунном шаре золотом

не завидууй, не завидууй, вот коробочка с обидой,
вот сундук, а в нем тряпье. это юность, ё-моё.
в кольцах стразы, в пальцах цейсы,
праздность шали венецейской,
от вишневого ситро слиплось сладкое нутро,
вот пиньята, но пустая. был жилец да весь растаял:
станиславский леденец,
замусоленный конец.
утопился черный клавиш. ничего, сама поправишь,
как войдешь в свои права — вот сухая голова
голубого аматера, погорелого актера,
поливай ее в жару и люби когда умру.
амулет с подъятым удом, кто не помню, врать не буду,
подарил и был таков.
не ищи черновиков.
нынче ночью, тяпнув стопку, все пустили на растопку,
ссыпав буквицы с листа, как смородину с куста

ПУШКИН TRIP

— поэзия должна быть glue, поэзия должна быть vata,
скосив зеницы на иглу мой спутник молвил виновато:
не разрешать, не утешать, а клеить рукописи рваной
края, и в мертвый рот дышать, и, хлопком забивая рану,
облиться вишней дочерна и пересохнуть всей гортанью,
и, к малой помощи вина прибегнув, выдрать состраданье

— поэзия тебе должна? долженствованье неоплатно
когда, пустившись в путь одна, ты понимаешь, что обратно
дороги нет, но нет и дна — нет ада, слышишь, ариадна?
твоих тесеев имена здесь украшают вход парадный,
и то, что держишь ты за нить, о шелкопрядка бедолага,
ни удержать, ни удлинить, а дальше чистая бумага

С.С.

ты, меж собакою и волком, на авеню де лигуре
замок царапаешь заколкой, фольксваген вязнет в декабре,
а я звоню тебе с распая, где вяз, свихнувшийся с ума,
сухую охру рассыпает и я сама, сама, сама

с утра ступени обметаю, повсюду вялый алый пух,
не то отставшую от стаи здесь разметало птицу рух,
не то войнушка между нами, и посвист ос, и промельк шпаг,
и между письменными снами любви на воробьиный шаг,

повсюду русские медведи и русский месяц на дворе,
и ты в своем простудном пледе на авеню де лигуре
в сердцах раскручиваешь глобус (а я пиши, пиши, пиши)
каретка щелкает, автобус из бездны бегаёт в клиши:

ты меж собакою и волком

ты меж собакою и волком

ты меж собакою и волком

ты меж собакою и волком

в голове разоренье, как утром на зимней даче:
ненаписанный вертер, и ветер, и пес некормлен.
все покорнее крона, темнее кора и корни,
а казалось, что все иначе, ты только начал.

вот ревень на варенье — реви не реви, а сварим,
вот поленья, но лень на растопку искать хорея,
зеркала одурели, мигают знакомым карим,
а лицо не мое — смуглее и рот добрее.

это дедушка вольф, метранпаж, близорукий игрек.
кто же в лавке остался, деда, на линотипе,
где свинцовый петит рассыпан и можно стибрить
и сменять во дворе на счастье. зачем ты в кипе?

что ты шепчешь оттуда, бедный, а я не слышу,
что ты видишь оттуда, запертый в амальгаме,
напевая про *тише мыши и кот на крыше*
из вишневого гетто вышел вперед ногами.

чем ты там подавился, деда, смешком ли, всхлипом?
я в бедламе, брожу в пижаме, в бумажном хламе.
ты печатал им искру, а мы погасили пламя
и живем теперь в мокром пепле и топим липой

я-то знаю как вовремя рвется перепревшая нитка времен:
так бессовестно спится и пьется,
что не помнишь ни лиц, ни имен,
то царапаешь черную спину, то смеешься, то бьешься, пока
где-то месит колдунью глину материнская злая рука,
так бессовестно пьется и спится (заживает, вот-вот заживет)
что с того, что втыкаются спицы
в свежеслепленный голый живот.
хор молчит. начинается лето, непривычное птичье житье,
и тебя призывают к ответу за античное имя мое

ПОБЕГ КУМАНИКИ

а ты — читаешь ли роман, подписанный на барной стойке,
небрежно сунутый в карман,
а это ты — не кто иной, как
ты! ты — твои житье и кройка, твои вальтрап и доломан,
весь твой уланский балаган, твои по замкам судомойки

библейский ник, летейский лик, все отпечталось в романе
и на сетчатке (всех улик бессвязно мной пробарабанен
весь список, весь)
покуда камень несет за пазухой связник,
и свой гудзон и свой язык прозаложивший могиканин

покуда с богом в шалаше проходят аредовы веки,
в сухой картофельной парше густеют гунны, галлы, греки,
желтеют клейстерные реки.
все вечно. все папье-маше.

все здесь: плавильня, плащаница,
платон и плата, плут и плоть,
читай. не дай тебе господь открыть последнюю страницу

догадайся джованни зачем я здесь
на пьядетте грязной в такой-то зной
мне мила твоя спесь и мил ты весь
говорю бессвязно а ты связной

жеребенком с подворья велосипед
увели что дичился сиял сопел
наливай джованни — за двадцать лет
наш пострел отличился везде поспел

с головой укрылся худым рядом
правым галсом кочует среди планет
мы и раньше с ним думали об одном
только он догадался а я вот нет

и теперь он джованни живеи меня
закатав штанину задрал рукав
в серебристый чистый звонок звеня
с палатинской горки летит стремглав

есть простота не хуже воровства
первоначальность голая в которой
хитиновые ломкие слова
и влажное движенье кистеперых

а есть простейших плотное житье
под белый шум под сон агар-агара
битье питье и вечное твое
про тронутые ласковым загаром

раскинутые руки рио-рит
и на литейном классики и прятки
мне это ни о чем не говорит
но я в плену ребристой рукоятки

и до сих пор кручу ее кручу
мигает кембрий вену слышно плохо
литва молчит кончается эпоха
а в петербург я больше не хочу

КАМЧАТКА ПОЛНОЧЬ

пиши волнуйся: не хватает сахара тчк
белок свернулся — во рту сахара — просвет зрчка
вот-вот затянут творожные облака

живем на малом не надо жалоб начнем с конца
служи служивый она сбежала ты спал с лица
проспектом щорса зови не щурься была война
в сосново морсы на хеппоярви одна чухна
на пальцах цыпки решай примеры кругом враги
все зыбко зыбко твои премьеры и четверги
спина в зеленке жена в сорочке разок-другой
и две аленки шальные дочки шуршат фольгой
ветрянкa ветер температура зима перрон
держи владетель твои котурны и театрон
сырок дорожный исход возможный пока пока
будь осторожна все ненадежно но тчк

ТОМАСУ ВЕНЦЛОВЕ

поэзия не бог. она — герой?
неистовый ахеец с сухожильем
пронзенным? нет — уж лучше тот, второй,
его на берег ксанфа положили
в одной из тех невыкопанных трой,
где мы с тобой непризнанными жили.

но к этому пробиться не дано
покуда, шлемом новеньким блистая,
летаешь в копьях, чермное вино
из чаши хлещешь, радуешься стае
таких как ты — иные же давно,
сложив знамена, мучить перестали

своей камены бледные соски
и дактиль теребить ее убогий,
и зажили с еленой по-людски.
покуда белый бык золоторогий
у стен пергама топчет колоски
хулы не будет, милые! ей-богу,

на босу ногу сдохнем от тоски

отлив: обнажается мостик
хозяйка идет от ворот
ведет киммерийского гостя
и крестит невидимый рот
и в сумерках царской работы
ломает гречишные соты
и август еще непочат
и вот они сели молчат
далёко за озером гром
гремит бутафорским ведром
горят петербургские толки
зеленою бронзой осколков
рубинами в черной воде
нигде черубина нигде
не скрыться на выцветшем свете
недаром мы спим наяву
и вот уже падает ветер
как ястреб в сухую траву

приходи я хочу показать тебя кактусу
он цветет красногубый зима не зима
а на пики тебе выпадает хоть как тусуй
забубенный валет небольшого ума
слабый рот в молоке лоб в холодной испарине
да и тот не приходит хоть волоком но
шелкопряды как мы золотые непарные
все одно доплетают свое волокно
разговор-то у каждого свой с дознавателем
то ли пить взаперти то ли красным цвести
то ли марш в легион завоевывать звательный
чтобы просто о господи произнести

БАРСЕЛОНА

скудеют эскудо и пусто
в кармане, а гостя все нет,
на пристани купишь лангустов на девять последних монет
в корзине шевелится ужин, смолистое стынет вино,
а завтрак нам будет не нужен, мы завтра уходим на дно

колумбус ли правит закатом
и всем арагонским добром
в краю оживающих статуй, покрытых живым серебром,
в краю альвеольных, шипящих и ящериц в черном огне
как будто бы газ веселящий сгущается к ночи во мне:

обижены нежные жены
адиос — мы тронулись в путь
от тиглей своих пережженных, где ржавая сажа и ртуть.
отсюда нам топать и топать на запах, на запад, на свет
от тиглей, где копать и копать, и копать, а золота нет

ола каталанья! теперь я
с колумбусом стану глядеть
на чаячьи белые перья, на смерть, на дырявую сеть.
в отсутствии друга и бога у каменной сяду ступни:
попробуй-ка только потрогай, а ну-ка, давай, отними

он этого так не оставит — он нынче ночует со мной,
он алое лезвие правит, к испании стоя спиной

золотые зеленые злые
мы не те кем мы прежние слыли
нас безжалостно прежние те
в можжевеловой жгут темноте
трать тетрадь раз именье пропало
с кем попало дели с кем попало
божий сад раздавая вразнос
индевелых черничных стрекоз
и сливовую слабую завязь
и крыжовенный хруст — и в стручок
сладко свистни округе на зависть
дурачок дурачок дурачок

АЙНЕ КЛЯЙНЕ

вот черновик. условность, дыра дырой,
можно глядеть на солнце, как через копоть,
можно бы на растопку, да он сырой,
можно ногой болтать или, скажем, топтать,
без толку все — иди поскреби закрой,
что там на антресолях — кляссеры, сани?
вот черновик котомка сума с добром,
мехом дырявым, отверженным серебром,
что при погроме спасали, а сами, сами

Л.С.

в молчаньи будто в заточеньи
сидим и слова не скажи
я о твое ожесточенье
уже могу точить ножи
когда б не отняли на входе
мой перочинный именной
мы здесь не пленники но вроде
того — палата номер ноль
где героиня умирает
семь раз на дню а все жива
и с ней на ключики от рая
охранник режется в слова
неисто щимо и умело
и вот он выиграл и вот
ожесточенный онемелый
орфей здесь больше не живет
на грибоедовом к ограде
примерз под утро языком
тебе согреться бога ради
три дабл ю ад точка ком

написан побег капитана закончена третья глава
дырявую тень от каштана с утра принимает трава
в ней нет ни орехов ни листьев но есть обещанье — и свет
катается зверем пятнистым в неверном ее веществе
поставлю кофейник и кресла глядишь и ко мне завернут
по пыльной дороге воскресной панёнки на пару минут
их плечи как должно покаты яичной тугой белизны
звенят на запястьях дукаты дырявой небесной казны
и что ты все пишешь и пишешь — сидишь тут спустя рукава
течет черепичная крыша некошена злая трава
далась тебе малая проза сушила бы впрок семена
сажала бы алые розы давала бы им имена
покуда несет капитана на родину жук-плавунец
и близок конец испытаньям
и повести близок конец

три раза подуешь на воду
обжегшись чужим молоком
воды високосного года
хлебнешь и дурак дураком
ни в чем уже смысла не чая
скучаешь незнамо по ком
гоняешь расхристанных чаек
и лунную убыль прощаешь
и в теплую пыль обращаешь
и ходишь по ней босиком

PEPPER'S LONELY HEARTS

такая странная игра
как в быстрой фильме черно-белой
бегут солдатики ура
шинель от крови задубела
но все как будто невзапра...
как будто знаешь что в конце
хоть сам на белом жеребце
и декорации на совесть
но кровь напоминает соус
а взрывы — ярмарку в ельце
куда китайские петарды
купец на масленой завез
и вот мосты горят и жар ты
всей кожей слышишь но всерьез
никак не можешь испугаться
стенают раненые братцы
их гибель страшная пустяк
они бы умерли и так

послушай с самого утра
мы столько слов произносили
но все как будто невзапра...
все в пол-отчаянья вполсилы
за всем мерещится елец
незаселённый нарочитый
хотя роман еще не читан
он в этом доме не жилец
как будто знаем что в конце
и вот не стали тратить порох
глава последняя в венце
слетает с плеч — без лишних споров
с ней эпилог в тартарары
летит и пепел носит ветер
убит сержант по кличке пеппер
но жив по правилам игры

л.

как ртуть по кухонному полу
сон разбегается — лови
живой ожог ладонью голой
осуществление глагола
что прилагается к любви
как кифаред к своей кифаре
к ладони кесаря динарий
убийство к спасу на крови

и что вначале было словом
забьется утренним уловом
голубчиком русоголовым
в силках из конопляных струн
косит испуганной рябиной
в какой там книге голубиной
есть толкованье этих рун?

какой еще секрет не узнаю:
тычинки венчики пыльца
соединенье без союза
за невозможностью лица

ад состоит из снисхожденья
на четверть. остальное — мга,
где мы, слепые от рожденья,
в корзинке возимся. слуга,
четвертачок зажав в руке,
вот-вот снесет топить к реке
и возвратится налегке

что невольница дело швах? от бессонницы слиплись дни:
отпусти меня падишах нет запри меня нет гони
подмокает моя сурьма позолоченный сохнет рот
я с чужого схожу ума если травница мне не врет
кабы знать про твои сады я бы из дому ни на шаг
от шафрановой бороды оторви меня падишах
малахольная ешь халву старый евнух ворчит а мне
продержаться бы на плаву наяву углядеть в окне
как мелькает твоя хила и гранатами шитый плащ
мне мала моя кабала одурачена плачь не плачь
как пойдешь ко мне поутру коридорами босиком
два гадальщика по двору олененка ведут силком
а заглянут в разверстый пах — что написано там внутри?
от-пус-ти меня па-ди-шах про-го-ни ме-ня нет за-при

SOMBRA

караимской синагоге колокольне базилике
буду рада бога ради но не спрашивай на кой
стену плачущую трогать в этой местности безликой
прижимая нос к ограде у забытой мастерской

потеряться в трех осинах в перелеске в перекройке
где в кромешном девяностом в прошлом веке в сентябре
жили были с керосинкой птица сирийская птица сойка
пересмешник с алконостом с туалетом во дворе

черный ход кровит порезом на осиновой аллее
заколочен и покрашен две доски наискосок
на простуженном железе раны ржавые алеют
и виски ломает страшно проступивший адресок

DEDOUBLEMENT

напричитавшись с бедной лизой,
отложишь книжку и — аминь.
чужая комната эскизом
той прежней чудится. богинь,
что веретенце упустили,
еще слышнее голоса
растерянные. пусто. силу
прясть потеряли небеса.
так власть свою теряет слово,
где каждый слог перецелован.
еще вишневей полоса
на простынях у бедной лизы,
погасишь лампу и — ни зги
и снег, что валится с карниза,
ты принимаешь за шаги
босые по полу гостиной
простоволосых трех старух.
звяк! веретенце упустили.
нет, показалось, шкочит слух.
сквозняк позвякивает шторой.
который нынче день, который.

один из двух. один из двух.

ЮА

расквитавшись за чужие лишки
возвращаюсь — не поднять лица
отряхнуть бы красное пальтишко
на ступеньках дедова крыльца
все как было — залубели боты
потерялась варежка в снегу
с корабельной питерской работы
дед вернется бросит на бегу
до войны мол в нашей поднебесной
за одежду волглую за бегство
на колени б в угол на горох
а теперь сушиться марш и живо
господи ты помнишь как мы жили
до кутейных похоронных крох
до крупы бадаевской прогорклой
юлий алексаныч! из нью-йорка
не успела — нищета ли насморк
без меня прибрали под шитье
не успела — зачитали насмерть
юлий александрович! житье —
забытье в немилости царёвой
кто мне скажет нынешней зимой
рёва рёва дурочка рублёва
вытри нос и сей же час домой

не продохнуть от восхищенья. мне передышки не дает
лиловой жилки учащенье, и смятый рот, и наотлет
золотошвейное запястье. но в тишь озерную, но в гладь
своей бессовестною властью меня ты волен отослать.

дай налюбуюсь напоследок
испанской проволокой кудрей,
румянцем, гуще чем у шведок,
и отступлюсь, и лягу в дрейф.

так смуглый окунь на кукане, взлетевший было над водой,
сверкнув на солнце плавниками, слоистой мокрою слюдой,
из самой верхней, смертной точки узнавший руки рыбака,
рукав реки и пруд проточный, и лодки красные бока,
в тугой камыш вернется всплеском,
но не домой. наоборот.
его же тоже держит леска
за рваный рот, за рваный рот

дитя мое, нас ожидает ад.
нас не полюбят, нас уже не любят
за то, что мы с тобой шаман и бубен,
харон и лодка, конь и конокрад.
с какого дня мы знаем: небеса
такой же дом (за шторкой мастерская,
и береника сушит волоса,
над лунною конфоркой распуская),
с какого дна мы смотрим в небеса,
и думаем, что смотрят в нас оттуда
такой же сад, и лодка и запруда

дитя мое, нас некому спасать

луна стареет быстро — на плече
следы зубов и пятнышки на скулах
пигментные ты спрашивал зачем
мне на поляне два плетеных стула
садись сюда не зажигай огня
смотри как тьма обкусывает ловко
дареный сыр в небесной мышеловке
кто ставит их не спрашивай меня

такая степень лунного родства
такое жжение внутреннего тока
что кажется я слышу как листва
под лунным светом ежится — жестоко
обходятся с луною — так и ты
терпи как терпит грошик неразменный
то убыванья ужас неизменный
то неизменный ужас полноты

я боль за пазухой ношу и в уши ей дышу
как спаниелю малышу как несмышленишу
а надо б ей давать с руки абсент и анашу
расти большая вопреки тому что я пишу
ты познакомишься с гульбой мы с ней накоротке
она моею головой играет в бильбоке
мы подождем пока беду не сплавят по реке
а подрастешь так поведу гулять на поводке
тебе хозяйская кошма и лучшие куски
валяй своди меня с ума сжимай мои виски
вот так завяжем мы с нытьем бесплодным как пески
и заживем с тобой вдвоем ну то есть по-людски

СОДЕРЖАНИЕ

«будто крошки подсохшие, острые...»	5
«так тихо здесь, что слышен крик зимы...»	6
«просквозит до ребер ноябрь. тильзит...»	7
Б. К.....	8
Уэльс	9
Се ребро	10
Chinotto.....	11
Хирургу Б.....	12
«не завидуй, не завидуй, вот коробочка с обидой...»	13
Пушкин trip.....	14
С.С.....	15
«в голове разоренье, как утром на зимней даче...»	16
«я-то знаю как вовремя рвется перепревшая нитка времен...»	17
«побег куманики...»	18
«догадайся джованни зачем я здесь...»	19
«есть простота не хуже воровства...»	20
«камчатка полночь...»	21
Томасу Венцлове	22
«отлив: обнажается мостик...»	23
«приходи я хочу показать тебя кактусу...»	24
Барселона	25
«золотые зеленые злые...»	26
Айне кляйне	27
Л.С.	28
«написан побег капитана закончена третья глава...»	29
«три раза подуешь на воду...»	30
Pepper's Lonely Hearts	31
«как ртуть по кухонному полу...»	32
«ад состоит из снисхожденья...»	33
«что невольница дело швах? от бессонницы слипились дни...»	34
Sombra	35
Dedoublement	36
ЮА	37
«не продохнуть от восхищенья. мне передышки не дает...»	38
«дита мое, нас ожидает ад...»	39
«луна стареет быстро — на плече...»	40
«я боль за пазухой ношу и в уши ей дышу...»	41

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
- С. Кекова.** Короткие письма
- В. Салимон.** Невеселое солнце
- И. Лиснянская.** После всего
- Ю. Кублановский.** Памяти Петрограда
- И. Бродский.** В окрестностях Атлантиды
- Н. Кононов.** Лепет
- А. Пурин.** Евразия и другие стихотворения
- Е. Шварц.** Песня птицы на дне морском
- С. Гандлевский.** Праздник
- В. Гандельсман.** Там на Неве дом...
- В. Дроздов.** Стихотворения
- Л. Лосев.** Новые сведения о Карле и Кларе
- А. Цветков.** Стихотворения
- Д. Новиков.** Караоке
- И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- Т. Кибиров.** Парафразис
- Е. Шварц.** Западно-восточный ветер
- Б. Ахмадулина.** Созерцание стеклянного шарика
- В. Салимон.** Красная Москва
- В. Зельченко.** Войско
- Б. Кенжеев.** Сочинитель звезд
- А. Битов.** В четверг после дождя
- Л. Лосев.** Послесловие
- И. Лиснянская.** Ветер покоя
- В. Гандельсман.** Долгота дня
- Е. Шварц.** Соло на раскаленной трубе
- Т. Кибиров.** Интимная лирика
- В. Павлова.** Второй язык
- В. Кривулин.** Купание в иордани
- М. Ерёмин.** Стихотворения
- Б. Ахмадулина.** Возле ёлки
- Д. Новиков.** Самопал
- Т. Кибиров.** Нотации
- В. Соснора.** Куда пошел? И где окно?
- С. Гандлевский.** Конспект

Б. Рыжий. И всё такое...

П. Барскова. Эвридей и Орфика

И. Лиснянская. Музыка и берег

Л. Лосев. Sisyphus redux

В. Дроздов. Обратная перспектива

Т. Кибиров. Amour, exil...

В. Соснора. Флейта и прозаизмы

В. Гандельсман. Тихое пальто

В. Павлова. Линия отрыва

В. Коваль. Участок с Полифемом

Е. Шварц. Дикопись последнего времени

Б. Ахмадулина. Пуговица в китайской чашке

А. Поляков. Орфографический минимум

Б. Рыжий. На холодном ветру

В. Соснора. Двери закрываются

С. Кекова. На семи холмах

П. Барскова. Арии

М. Степанова. Тут — свет

М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 2

С. Стратановский. Рядом с Чечней

А. Кушнер. Кустарник

Е. Тиновская. Красавица и птица

Т. Кибиров. Шалтай-болтай

В. Гандельсман. Новые рифмы

О. Чухонцев. Фифиа

Л. Лосев. Как я сказал

Е. Шварц. Трость скорописца

Д. Шереметьев. Улика

В. Гандельсман. Школьный вальс

С. Стратановский. На реке непрозрачной

М. Ерёмин. Стихотворения. Кн. 3

А. Цветков. Шекспир отдыхает

В. Волченко. Без охраны

Д. Воденников. Черновик

Е. Шварц. Вино седьмого года

Л. Элтанг. о чём пировать

В серии книг «Зеркало» вышли следующие тома:

- В. Яновский.** Поля Елисейские
- Б. Ахмадулина.** Однажды в декабре
- С. Гандлевский.** Трепанация черепа
- В. Соснора.** Дом дней
- Е. Шварц.** Определение в дурную погоду
- А. Битов.** Дерево
- С. Гандлевский.** Поэтическая кухня
- В. Соснора.** Книга пустот
- В. Соснора.** Камни NEGEREP
- И. Бродский.** Горбунов и Горчаков
- Л. Петрушевская.** Карамзин деревенский дневник

В серии «Имя собственное» выпущены книги:

- К. Победин.** Поэмы эпохи отмены рабства
- А. Генис.** Темнота и тишина
- О. Шамборант.** Признаки жизни
- А. Генис.** Пейзажи
- С. Лурье.** Успехи ясновидения
- О. Шамборант.** Срок годности
- О. Исаева.** Мой папа Штирлиц
- В. Соснора.** 15
- С. Гандлевский.** Странные сближения
- С. Лурье.** Нечто и взгляд

Предлагаем читателям также следующие книги:

- В. Кальпиди.** Ресницы
- Б. Ахмадулина.** Зимняя замкнутость
- Л. Лосев.** Стихотворения из четырех книг
- А. Ерёменко.** Горизонтальная страна
- Гильгамеш.** *Аккадское сказание*
- А. Цветков.** Дивно молвить
- Е. Шварц.** Сочинения в 2 томах
- С. Гандлевский.** Найти охотника
- Б. Рыжий.** Стихи
- В. Соснора.** Всадники
- В. Павлова.** По обе стороны поцелуя
- М. Дидушенко.** Полоса отчуждения
- Н. Уперс.** Апокрифы Феогнида
- А. Березин.** Пики-козыри

Все книги серий тиражом до 1000 экземпляров.

Для приобретения указанных книг обращайтесь в издательство по адресу:

191028, СПб., Моховая ул., 20, помещение журнала «Звезда».
Информация по телефону: (812) 273-37-24 факс: (812) 273-52-56

Э 51

Элтанг Л.

о чём пировать: Стихотворения. —

СПб.: «Пушкинский фонд», 2007. — 48 с.

ISBN 978-5-89803-164-0

ББК 84. Р7

Элтанг Лена

о чём пировать

«Пушкинский фонд», Санкт-Петербург, 2007

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД